

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

БЕСТСЕЛЛЕРЫ НАТАЛЫ АНДРЕЕВОЙ

Бездна зовет к бездне

Влюбленные безумны

Мы поем глухим

Звезда в хвосте Льва

Капкан на мечту

Отцы и дети

Остров порхающих бабочек

Седьмое море

Обыкновенная история

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

**ОБЫКНОВЕННАЯ
ИСТОРИЯ**

Роман



ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Чаругиной Анастасии

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 Обыкновенная история : роман / Наталья Андреева. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-106703-8

Как в наше время покорить столицу девочке из провинции?.. Наивной, честной, чистой, выросшей под крылышком у мамы и не имеющей ни денег, ни модельной внешности, ни столичного университетского образования. Одним словом, идеалистке. Такою являлась Сашенька Адуева до своего приезда в Москву на «воспитание» к богатой тетке. Какие подвиги надо совершить, чтобы через семнадцать лет твое имя в родном городе произносили с трепетом и завистью? Это не сказка о Золушке, а роман о жизни, со всеми ее неприглядными сторонами, болью и радостью, взлетами и падениями, любовью и ненавистью. История о том, в кого превращаются милые домашние девочки, когда понимают, что подарков от судьбы ждать не стоит, а принцы больше не ищут по закоулкам империи очаровательных замарашек.

Здесь есть о чем подумать, чему удивиться, над чем поплакать. И после этого пойти перечитывать классику.

Роман написан по мотивам «Обыкновенной истории» И. Гончарова. Много ли изменилось в нашей жизни с того времени?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106703-8

© Андреева Н., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Всем, кого накрыла перестройка,
Кто пережил развал СССР,
Вытерпел в девяностые,
Не заелся в нулевые
И затянул пояса сейчас...

посвящается

Часть первая

Ад пуст, все бесы здесь

У. Шекспир «Буря»

* * *

Нет ничего утомительнее долгой-предолгой дороги. Лишь сев за руль и отправившись по каким-то своим делам, в отпуск на юг или к родственникам в провинцию, начинаешь по-настоящему познавать мир: «Да, страна у нас огромная». До сих пор она была огромная где-то там, за пределами твоего собственного уютного мирка, и вот она лежит перед тобой во всей своей красе, эта страна. И с каждой новой сотней километров начинает накапывать раздражение: господи, да сколько же тебя еще?!

Взгляд нетерпеливо ищет по обочинам дороги указатели с цифирью, но такое ощущение, будто они стоят через каждый километр! Следующая стадия: начинаешь читать все подряд и, чтобы развлечься, ищешь что-нибудь забавное. А забавного в этой нескончаемой стране хватает.

Река «Лопоток». Забавно. Так же как и «Нижний Мамон» или «Ранова». Что такое эта Ранова? А кто такой Мамон? Деревня «Бухалово». Тоже прикольно. Так же, как и «Бодуны»... «Черная грязь», «Погорелое городище», «Гнилуши»... Велика Россия! В одной ее половине заливают, а в другой в это же время бушуют лесные пожары.





А вот другая тема: «Конь-Колодезь», «Бобры», «Птицефабрика»... Этих птицефабрик по стране... Также как совхозов и колхозов: «Красный партизан», «Слава Октябрю», «Коммунарка»...

«Грачи». Какое милое уютное название. «Грачи прилетели», — это еще со школы все помнят. Знаменитая картина Саврасова. Весна пришла. Вот они и прилетели и расселись по березам. «Грачи»... Гм-м-м...

С дороги городишко кажется очень даже милым. Особенно летом, когда бушующая зелень закрывает полуразвалившиеся сараи, ржавые крыши и дыры в заборах. Когда по стенам домов вьется плющ и на центральной аллее в ряд, словно солдатики на плацу, стоят пирамидальные тополя, неизменные спутники хрущевок и символ городского «совкового» уюта. Да простят меня читатели за жаргонизм «совок». Нет, не «совок», конечно, великая страна, еще более великая, чем сейчас, просто потому, что тогда она была гораздо больше.

Сколько таких вот «Грачей» рассыпано, словно горох, по бескрайним холмам и равнинам! И везде *люди* живут. Нет, не так: *езде* люди живут. Как живут, другой вопрос.

Когда проведешь в машине часов этак пять, начинаешь думать, глядя на такие вот Грачи: что ж, везде люди *живут*. Не трясутся на ухабах в неудобной позе, чувствуя, как затекают ноги, не щурятся от напряжения, глядя на бесконечную асфальтовую полосу, не проклиняют голимую попу, которой забит эфир. Где-то к пятисотому километру начинает казаться, что все эти мелодии черпают ржавой кружкой из одного источника, причем и водица там давно уже с душком. И вот они, такие замечательные Грачи! Откуда веет прохладой

и тянется восхитительный аромат пирогов. Такие есть только в провинции, потому что они на чистом сливочном масле и жирном деревенском молоке, а не городском порошковом. И начинку в них кладут щедро, в эти пироги. А еще чай с мятой. Дымок самоваров, стоящих прямо на обочине, на деревянных, наскоро сколоченных столах. Аромат сосны, когда она горит,пряно-сладкий и густо-смоляной. Связки румяных баранок и черствые, но оттого не менее вкусные тульские пряники... Ах, Грачи!

Но стоит свернуть с дороги... Нет, лучше этого не делать, потому что надо знать фарватер, прежде чем заезжать в какой-нибудь провинциальный городок. А то по незнанию можно тут же ухнуть в яму и угробить подвеску. А то и без глушителя остаться. Бу-бух! Ну, здравствуйте, Грачи!

Летом в этих милых маленьких городах почти всегда идет ремонт дороги. Посреди ободранной до костей дорожной полосы, левой или правой, стоит каток, сама же плоть, то бишь рваные куски асфальта, горой навалены на обочине. Знак «Стоп» и провисшая сетка-рабица на ржавых столбах, потому что процесс идет долго. В провинции никто никуда не торопится. И правильно! Ремонт дороги, сколько его ни делай, только на сезон, климат у нас такой. Через год в этом же месте посреди обглоданной дорожной полосы вновь появится каток, только теперь уже слева, а не справа. А может быть, и справа. Разницы большой нет. Грачи!

Если городу повезло и его хозяйство окончательно еще не развалили, а мэр не сбежал с деньгами за границу, то на людном месте, возле автовокзала или сразу же за новенькой поликлиникой, будут красоваться подъемные краны, похожие на колодезных журавлей. Это новостройка. Бывает,





что окна в новеньких домах закрыты целлофаном или даже рогожкой: денег не хватило. А старые дома оцетинились спутниковыми антеннами и в точности как субмарины, которые отслужили свой срок, и их оставили навечно догнивать в доках. Но они по-прежнему на волне: эфир забит новостями. Спроси кого-нибудь о политике — и тебе тут же расскажут, кто сейчас кого и где именно. У молодых, само собой, другие интересы, но самых крутых в мире реперов или модных ди-джеев в каких-нибудь Грачах назовут без запинки.

Заглянем в один из таких домов. Отсюда начинается наша обыкновенная история. Настолько же обыкновенная, насколько один типовой панельный дом похож на другой. Или кирпичный, без разницы. Насколько похожи маленькие провинциальные города и дачные поселки в окрестностях. Рынок по выходным, местный ансамбль «Ленок», а где-то «Исток» или «Родничок», свадьбы и похороны, юбилеи и поминки... Могут отличаться блюда на столах да напитки в бокалах, достаток у всех разный. Дискотека будет во время обильного застолья или же грянет «Ой, мороз, мороз!» под старенький баян. Потом непременно драка или просто ссора, потому что, подвыпив, гости начинают выяснять отношения и припоминать старые обиды, дальше братание и обмен телефонами. Все-таки человек — существо общественное, и долго злиться могут только зануды и трезвенники. Из года в год ничего не меняется. Из века в век, если не считать достижения технического прогресса. Не меняется сам человек.

Судьбы людей при всем разнообразии перипетий похожи одна на другую. А потому история наша обыкновенная.

Итак, Грачи...

I

Сашенька Адуева была милой домашней девочкой. Очень уж домашней, потому что мама от всего ее оберегала. Даже можно сказать, слишком оберегала. Так оберегала, что когда пришли первые в ее жизни месячные, Сашенька подумала, что она смертельно больна и у нее рак. Она долго не решалась признаться в своей смертельной болезни маме, чтобы ее не расстраивать, лучше уж истечь кровью, но выручила тетка Марья. Как и все старые девы, она была очень наблюдательна, не скакать, въедлива и без меры любопытна.

— А куда ж полотенце-то кухонное подевалось, Анька?

— Не знаю. Сегодня утром здесь лежало, — и Сашенькина мама растерянно посмотрела на огненную кухонную батарею. — Я чистое положила.

— Сашка, а ну, пойдی сюда! — зычно крикнула тетка Марья. И когда дрожащая от страха племянница явилась на кухню, начала ее отчитывать: — То не допросишься, а то почти пустое мусорное ведро вдруг побежала выносить. Это с чего?

Сашенька залилась краской. А потом взхлеб принялась рыдать. От тетки Марьи разве скроешь? Выслушав про ее «смертельную болезнь», тетка расхохоталась, а потом накинулась на сестру:

— Ты что творишь-то, Анька? Почему девочке не рассказала то, что положено? Небось все о пчелках да о рыбках? О детях, которых в капусте находят? Вот же дура! Садись, Сашка, слушай.

И тетка Марья поведала багровеющей от стыда племяннице такие вещи... Такие вещи... В общем, Сашенька по-настоящему заболела, не раком, ко-





нечно, но нервное потрясение было настолько сильным, что девочка две недели провалялась в постели. Вот такая была у Сашеньки заботливая мама.

Жили они втроем: две Адуевы и одна Горбатова. Сашенькин отец был майором и погиб, выполняя боевое задание. Так сказала мама. Осталась пенсия, которая очень помогала трем безмужним женщинам вести их небольшое домашнее хозяйство. Жили они в панельной двушке, хрущобе, в той комнате, что побольше, Сашенька с мамой, а в другой, совсем крохотной, старая дева Марья Горбатова. Глядя на нее, Сашенька невольно думала, как же была права Агата Кристи, сделав гениальным сыщиком-любителем сухонькую седенькую мисс Марпл. Именно старые девы бывают настолько любопытны и всезнающи, что могут распутать любое, самое загадочное преступление. Тетка Марья была как раз из таких.

Сашенька обожала читать, мало того, грезила литературой настолько, что в самых смелых мечтах видела себя знаменитой писательницей. Мечты эти она никому бы не поведала под страхом смертной казни, также как никому не рассказала бы про то, что у нее начались месячные, если бы не тетка Марья. От нее разве что-нибудь скроешь?

Тетка жила сплетнями. Когда им переваливает за сорок, эти старые девы либо превращаются в мегер, всем отравляющих жизнь, либо в кладезь житейской мудрости. Все-то они знают, всех понимают, все мелочи подмечают и всегда готовы прийти на помощь дельными советами. Тетка Марья с возрастом в мегеру не превратилась, хотя выглядела именно так. И бурчала под нос, как старуха, и язвила, а еще была порою резкой, совсем по-мужски, могла и матерком пухнуть. В быту, ра-

зумеется, не на работе. Но все это было напускное. Сашенька прекрасно знала, что тетка ее обожает. И всем остальным желает только добра. Ну не сложилась личная жизнь, так кто же в этом виноват? Только злая судьба, которой было угодно, чтобы эта ветвь эволюции стала тупиковой. Не нужны никому Горбатовы. ТЭ, то бишь теория эволюции в действии.

Тетка, кстати, тоже обожала читать, и не только романы. Ее знания Сашеньку просто поражали. О чем ни заговори — тетка имеет собственное мнение, любую тему может поддержать, любое заявление оспорить. Работала Марья Павловна Горбатова в городской библиотеке, заведующей, и в детстве Сашенька просиживала в читальном зале все свое свободное время. Читала она взахлеб. И поступила после школы тоже в Библиотечный институт. В Москву ее не пустили, училась Сашенька в областном центре, мама про столицу всегда говорила с ужасом. Мол, вертеп, гнездо разврата. Тетка была иного мнения.

— Эх, Сашка! Только в столице и жизнь! Не слушай мать, держи курс на Москву.

Словно подогревая интерес племянницы к столице, тетка Марья собирала грачевские сплетни с определенным уклоном:

— Ирку Тарасову помнишь, Ань?

— Это та самая Ирка, у которой муж позапрошлой зимой по пьяни замерз на даче?

— Ну, замерз. Зато дочка в люди выбилась. Поехала в Москву и там ее заприметил какой-то знаменитый фотограф. Моделью стала, слышишь? Ирка сказала, что ее Оля в прошлом месяце за немца замуж вышла и уехала на ПМЖ в Германию. Гражданство получила.





— Олька Тарасова теперь в Германии живет? — округлила глаза Анна Павловна. — Она же в школе на одни «тройки» училась!

— Да при чем тут это, дура? Сказано тебе: модель. Зачем им мозги, когда ноги от самых ушей растут? Телевизор-то смотришь?

— Смотрю. Модели — они высоченные. А наша Сашенька маленькая.

— Так уж и маленькая!

— Сто шестьдесят пять, — скромно говорила Саша.

— Ну вот, видишь? — и Анна Павловна вздыхала с облегчением. В модели любимой дочери не грозило. Там одна наркота и разврат.

— А наша библиограф, Сонька Смирнова, — не унималась тетка Марья. — Выучила на курсах английский язык, списалась с англичанином по почте. Он, правда, вдовец, зато еще не старый. Очень ему наша Сонька понравилась. И готовить она умеет, и шьет, и вяжет, и из себя видная. А дети, что дети? И чужих воспитает, и своих родит. Она девка хваткая, работающая.

— Наша Сашенька лучше.

— Я тебе про что говорю? Списалась с англичанином. Вчера заявление об увольнении на стол мне положила.

— Уволилась из библиотеки? — ахнула Анна Павловна. — Да у нас в городе работу днем с огнем не найдешь! Тем более молодой девушке.

— Вот о чем с ней говорить? — тетка Марья посмотрела на Сашеньку, словно ища у нее поддержки. — Я же тебе говорю: в Англию она уезжает! Замуж выходит! — тетка повысила голос. — А она мне: в городе для молодежи работы нет! Так одни, что ли, наши Грачи на всем белом свете?!

Вон, глобус стоит, — и Марья Горбатова раздраженно ткнула пальцем в указанный предмет, да еще и крутанула его для наглядности. Аккуратно подстриженный ноготь уперся в остров Мадагаскар. — Чего нашей Сашке здесь делать?

— На Мадагаскаре-то уж точно ей делать нечего, — насмешливо сказала Анна Павловна. Она, кстати, работала в школе учителем географии. — Да и в Лондоне тоже. Там холодно и туманы. Пусть вон Сонька Смирнова там мокнет.

— Я не говорю: в Лондон. Не сразу. И не обязательно в Лондон. Но хоронить себя в глуши я моей любимой племяннице не позволю!

— Пусть сначала институт окончит.

— Я окончу, — обещала Сашенька. — Я хорошо учусь.

— Вот и учись!

Все эти разговоры заканчивались одинаково:

— Да чего там за примером далеко ходить, — подводила итог тетка Марья. — Вон, Лидка наша. Живет себе припеваючи. В той же Москве. А кому Лидка всем обязана? То-то.

Тут следует сказать, что сестер-то было три. Совсем как у Чехова. Три сестры, которые по молодости все рвались в столицу.

— В Москву! В Москву!

Но уехала только одна. Историю эту Сашенька никогда не слышала целиком, только намеки. Знала только, что там что-то очень грязное, нечестное. Когда тетка Марья говорила «Лидка», презрительно поджимала губы. И никогда не называла «Лидку» сестрой. Сашенька знала, что это из-за Лидки они ютятся в малогабаритной панели, а когда-то у семьи Горбатовых был большой красивый дом на берегу озера, с просторной верандой, обвитой

